

Но... женщина забыть не можетъ
Того, кто такъ любилъ, какъ я;
И въ часъ блаженнѣйшій тебя
Воспоминаніе тревожитъ!
Тебя раскаянье кольнётъ,
Когда съ насмѣшкой проклянётъ
Ничтожный міръ мое названье,
И побоишься защитить,
Чтобы въ преступномъ состраданьи
Вновь обвиняемой не быть!

Воля.

Моя мать—злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Емъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная.
Съ ней нашлись другіе у меня—
Мать, отецъ и семья,
А моя мать—стенъ широкаго,
А мой отецъ—небо далекаго;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали:
Мои братья въ лѣсахъ—
Березы да сосны..
Несусь ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой—
Небо свѣтитъ мнѣ луной;
Мои братья въ лѣтній день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
И вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ—необъятнос!

Сентября 28.

(Варв. Ал. Лопухиной).

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милой!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ бывшее, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой
Къ чему?... Другой лобзаетъ эти очи
И руку жметъ твою;
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердитъ: люблю, люблю!
Откройся мнѣ: ужели непритворны
Лобзанія твои?
Они правамъ супружества покорны,
Но не правамъ любви.

Онъ для тебя не созданъ; ты родилась
Для пламенныхъ страстей;
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!
Онъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоёмъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?
Встрѣчалъ ли онъ съ молчаньемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими ль онъ жертвовалъ годами—
Мгновеніямъ съ тобой?
Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Однѣ въ тебѣ найдетъ.
Такъ!.. ты его не любишь!.. Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь.

Ея (В. Лопухиной).

Не вѣрь хваламъ и увѣреніямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;
Ты неспособна лицемерить;
Ты слишкомъ ангелъ для того.

Метель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорвавшись, гудитъ—
То отголосокъ похоронъ,
То звукъ могилы подъ землею,
Умершимъ—вѣсть, живымъ—укоръ,
Цветокъ поблекшій, гробовой,
Который не плѣняетъ взоръ.

Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще—новыхъ первый часъ!...

Небо и звѣзды.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка;
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!
Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо!—а я человекъ!..
Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же напротивъ
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ.
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.